

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.161.1'271

ЛИНГВО-ФИЛОСОФСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ МНОГОЛЕТНЕГО МОНИТОРИНГА РЕЧИ

О. Б. Сиротинина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: rusyazsgu@mail.ru

В статье представлены размышления автора, порождённые результатами многолетнего мониторинга речи и чтением лингвистических трудов: о развитии науки вообще и лингвистики в частности, о влиянии на судьбу языка речи в СМИ и речи масс, роли в изменениях языка Интернета; подчёркивается роль индуктивного подхода и опасность индуктивно неподкреплённых дедуктивных суждений, нередко замедляющих развитие науки.

Ключевые слова: язык, речь, знак, лингвистика, коммуникация, эффективность.

Linguo-Philosophical Reflection as a Result of a Long-term Speech Monitoring Survey

O. B. Sirotinina

The article presents the author's reflection generated by the results of long-term speech monitoring; the reflection on the development of science in general and linguistics in particular, on the influence of media language and speech of general population on the future of the language, on the role of the Internet in language changes. The author emphasizes the role of the inductive approach and the danger of inductively unsupported deductive assertions which often slow down the development of science.

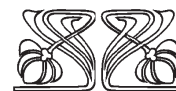
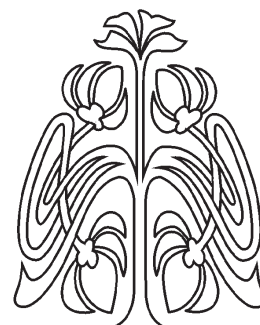
Key words: language, speech, sign, linguistics, communication, efficiency.

DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-1-5-11

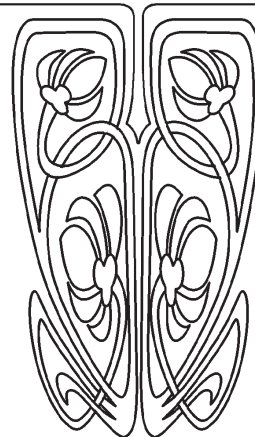
Прожив 93 года, я пришла к мысли о необходимости подвести некоторые итоги и моих наблюдений речи, и моего такого же, разумеется, неполного, как и мой мониторинг окружающей меня речи, но такого же регулярного ознакомления с новинками лингвистических исследований. Языком я увлеклась ещё на 1-м курсе, но тогда мне всё в нем казалось очень простым и ясным, а чем дольше я живу, тем более сложным всё оказывается. Язык не менее сложен, чем организм человека, геномы живых существ, космос с его бескрайностью, загадочной тёмной материей и вообще объём ещё не познанного знания, намного превышающий достигнутое ценой отказа от многих заблуждений. Так и в науке о языке – лингвистике.

Пока не поздно, хочу поделиться своими размышлениями в надежде, что они помогут другим задуматься над какими-то увиденными или услышанными фактами языка или речи и тем самым познать что-то новое в устройстве языка, состоянии речи и протекании самого процесса коммуникации.

Начну с речи. Ежедневные наблюдения речи в разных сферах жизни людей (при чтении научной литературы, причём не только лингвистической, но и медико-биологической, научно-популярной, учебной, ознакомлении с законами и распоряжениями, во время отдыха за чтением художественной литературы, во время повседневной переписки и телефонного общения с родными и друзьями, целенаправленных «погружений» в печатные и звучащие СМИ) с регулярной фиксацией наблюдаемых фактов (определённых словоупотреблений, формообра-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

зований, неудач или, наоборот, чего-то очень творчески удачного) привели к желанию осмыслить и систематизировать зафиксированные факты, скопившиеся за десятилетия. Сначала это были обобщения изменений в самой системе русского языка (синтаксиса и лексики прежде всего), потом – роли в этом процессе типов речевой культуры адресантов, типа общения, затем – функционально-стилевой дифференции литературного языка, его разговорного и публицистического (в СМИ) стилей. Работа, связанная с изучением рискогенности современной коммуникации (не только моя, но и всех соавторов коллективной монографии)¹, породила необходимость осмыслить всё происходящее с языком в реальной коммуникации с его помощью и с противоположной точки зрения: не только **что создаёт рискогенность** и что позволяет её преодолевать, но и **что создаёт эффективность** коммуникации и как надо/можно саму эту эффективность понимать.

Опора на философский постулат о единстве и борьбе противоположностей помогает разобраться в сложном процессе коммуникации и роли в нём:

- 1) языковой системы, её качеств;
- 2) роли в коммуникации двух разных сознаний (адресанта и адресата) менталитета народа, говорящего на данном языке;
- 3) эпохи и конкретной ситуации, в которой осуществляется речь;
- 4) самого осуществления коммуникативного акта (в письменной или устной форме, а теперь ещё и в особой формации языка – интернет-речи²).

Важны ещё и цели коммуникации, и степень толерантности её участников к чужому, и их физиологические (даже анатомические) особенности: чёткость речи может зависеть от наличия зубов, здоровья дёсен, губ, гортани адресанта; успех коммуникации – от слуха, памяти адресата и т. д.

Естественно, что всё это подлежит исследованию, но необозримо в одной статье. Мы остановимся только на основных для речевой коммуникации антиномиях.

Общеизвестно, что язык – основное средство коммуникации, но ведь не единственное. Коммуникация может осуществляться и без него: условные знаки, используемые для конспирации, которые могут быть языковыми и материальными, и не всегда конспиративными (зарубки на дереве, подлежащем вырубке, или указывающие на пройденный путь).

Язык – это система знаков, отсюда языком можно назвать и материальные знаки чего-то: скажем, цвет лица пациента, его походка для врача служат знаками определённых заболеваний – это язык тела. Функционирует язык жестов (при этом для русского кивок головы – согласие, но для болгарина – несогласие). И нередко это приводит к неправильному пониманию, т. е. неэффективности коммуникативного жестового акта³.

Есть язык танца у пчёл, очевидно, свой язык существует и у разных видов животных, как недавно выяснилось, даже у рыб. Судить о сложности систем этих «языков» нам очень трудно.

Эффективно участвовать в межкультурной коммуникации тоже трудно даже при, казалось бы, знании чужого языка. Отсюда сложность перевода и частые сбои в понимании или употреблении многих слов и форм в общении с носителями другого языка.

Но нечто подобное происходит и в коммуникации на родном языке из-за разного «конвоя» (термин Т. М. Николаевой)⁴ высказывания в сознании участников. Показательна в этом плане коммуникация с детьми. Когда моя дочь ещё только осваивала навыки речи, запомнился такой случай. Мы были с ней в цирке, слон поливал клоуна водой, дочь пугалась. Я её успокаивала: *не бойся, слон добрый, он не со зла*. На следующий день мы были в гостях, где её угостили конфетами, и она забрала всё, что лежало в вазочке. Выйдя из гостей, я стала её воспитывать: *Зачем ты взяла всё. Если они добрые и предлагают брать ещё, это не значит, что нужно брать всё!* И в ответ услышала возмущенное: *Какие же они добрые? Они хорошие!* Неэффективность «воспитательного» акта – результат сложившейся в её сознании ассоциации с «квалификацией» поведения слона, возможность которой я не учла.

К сожалению, так бывает не только в разговорах с детьми. Вспоминаю своё недоумение и такую же реакцию прохожих женщин на появившуюся в 1990-х гг. в Саратове вывеску магазина «Эгоист»: *Ведь это ж надо! До чего дошли!* (Кстати, вскоре недалеко от него появилась рекламная растяжка «Эгоизм – норма жизни»). Индивидуалистические настроения, насаждаемые в те годы, были ещё чужды большинству населения, и вскоре магазин с таким названием исчез. Но в сознании людей постепенно закрепилось новое осознание оценочной коннотации многих слов, и слова *амбициозный* из негативной оценочной превратились в коннотацию желаемого, одобряемого качества. И теперь в СМИ мы регулярно читаем и слышим: *Нужны амбициозные / более амбициозные проекты; Он человек амбициозный* – как дань уважения, похвала. Сменилась коннотация слова *услуга*: из некогда порицаемого факта превратилась в законодательно фиксируемое действие: из ‘чтобы услужить кому-либо, фактически противоправное действие угождения кому-то’ в законодательно фиксируемое ‘служение какому-либо делу’ (*услуги врача, учителя*, вызывающее возмущение представителей этих профессий: *Мы не обслуживаем, а спасаем, обучаем, воспитываем*). Это факт противостояния чиновничьего и общечеловеческого обозначения.

Многое меняется и в самой науке о языке. В парадигме сравнительно-исторического языкознания исследовались в первую очередь генетические связи языков и внутренние этимологические связи

слов и словоформ, их изменения. В сопоставительной – различия или сходство с иным родственным/неродственным языком. В функциональной – расширение и изменения функций языковых единиц, влияние на это каких-либо факторов. В современной антропоцентрической – все факторы, связанные с изменением условий жизни человека, его сознания, его деятельности, самих средств связи между людьми и т. д. Меняется мир, меняется сам человек, меняется и его мозг, меняется его язык (языковая система и её функционирование в традиционном понимании речи) и, разумеется, вся совокупность коммуникации на данном языке (и собственно речевая и жестовая: если раньше как похвала использовался большой палец, теперь как осуждение – средний) и вся окружающая нас реальность (материальная, духовная, информационная). А эффективность коммуникации зависит от всего этого, отсюда огромная разница в восприятии старшего и младшего поколений, которая была, конечно, всегда, но сейчас, в век Интернета, компьютеров и гаджетов, возросла многократно.

И разрыву в условиях самой жизни старшего и младшего поколений способствуют, пожалуй, прежде всего, изменившиеся способы коммуникации: от первоначально единственно возможного непосредственного общения к появлению опосредованного письменностью, но с сохранением приоритета непосредственного, затем к приоритету письменного (переписка), печатного (законы, художественная литература, газеты). Теперь – всё расширяющийся приоритет технически опосредованного, у младшего поколения фактически вытесняющего непосредственное.

Этот факт меняет не только всю коммуникацию (доступность мгновенности и во времени, и на расстоянии), но, по мнению психоневрологов, и работу нашего мозга, к сожалению, не только в лучшую сторону. Оставим изучение изменений в работе мозга психоневрологам. Но любому члену современного общества заметны изменения в поведении молодёжи: её привязанность к Интернету, нередко предпочтение виртуальных знакомств реальному общению с друзьями, лёгкость получения любой информации из Интернета делает ненужной тренировку памяти, что ведёт к её ухудшению. Уходит привычка к чтению книг → логическое мышление вытесняется клиповым сознанием, исчезает умение рассуждать. Это очень заметно в вузовском общении со студентами. Конечно, не вся молодёжь проводит часы за компьютерными играми, но всё больше заметно формирующееся неумение рассуждать, отсутствие знаний литературных шедевров, событий прошлого и даже настоящего (они не застревают в памяти). Отсюда просчёты в работе СМИ: у молодёжи предпочтение отдаётся просмотру развлекательных передач, в результате заголовки газетной статьи в юбилейную годовщину Ялтинской конференции «Дух Ялты» воспринимается как статья о климате Ялты, а *события в феврале*

2014 г., в годовщину присоединения Крыма, просто ни с чем не ассоциируются. Это страшно. Порождая неэффективность СМИ, реакция на увиденное в Интернете ограничивается лайками или комментариями междометного типа → мозг отвыкает **перерабатывать** полученную информацию и даже не откладывает её в долговременную память, что и вызывает тревогу психоневрологов.

Возможности русского языка в его современном состоянии пока ещё поистине безграничны: всё можно назвать и выразить своё отношение к этому, но всеми ли возможностями молодёжь пользуется? А ведь всё неиспользуемое со временем отмирает. Не превратятся ли представители младшего поколения в Эллочку-людоедку? А многие слова не перестанут ли быть знаками, так как утратят своё означаемое? Увы, но для многих представителей молодого поколения это уже произошло: нередко слово уже не понимается, хотя ещё никак не вышло из употребления и не может считаться устаревшим (*займём* начинает использоваться в рекламе в значении ‘дадим взаймы’), а многие слова просто непонятны молодёжи. Как ни удивительно, но, несмотря на безмерно усилившееся влияние Православной церкви, далеко не все молодые (студенты!) считают словами своего лексикона такие, казалось бы, сейчас очень часто употребляемые в светских СМИ, как *кошунство*, более редкое *паперть*, ещё не вышедшие из употребления *щеколда*, довольно активно употребляемое *омерзение*, во всяком случае *омерзительный*, и, что уж совсем странно, *ихуна*, *апатия*, *недомолвка*⁵.

Многих слов они не только не употребляют, но и просто не понимают, хотя используют. Одна из моих аспиранток, записывавшая речь студентов техникума, выбрав из использованных ими ряд слов, предложила сформулировать их значения. Ошибки оказались вовсе не случайными и не единичными. *Апатия*, *апелляция* в их сознании оказались косметическими процедурами, *тормоз* – ‘так говорят о медлительном человеке’. На мой вопрос студентам 1-го курса отделения журналистики «Что такое в Вашем сознании *компетенция*?» – последовали ответы: *права*, *границы*, *полномочия* и ни одного, что это *знания*.

Что же после этого удивляться заявлениям действующих журналистов, что *артефакт* – это *ошибка природы*; *нечто неизвестное*; *возможно, что-то вулканическое* – всё из опубликованного в газетах; а принеся гостю тапочки, *собака выполнила свой собачий раут*; *в канистре оказался раствор щёлочи с кислотой* в речи специального корреспондента в новостной передаче; дорожные происшествия называются *катаклизмами* и т. д.

Ясно, что уже никто не знает, что такое *корпия* (в «Войне и мире» Л. Толстого все *щипали корпию*, но хотя студенты не только в школе, но и в вузе роман «проходили», никто этого слова даже не заметил). Это слово ушло из русского языка с появлением ваты, а *апатия*, *кошунство*, тем

более *недомолвка* – почему их не знают? *Недомолвка* – прозрачна по своему составу (*молвить*, *молва* из употребления вроде бы не вышли). Не проявляется ли в этом обеднение и упрощение лексикона молодёжи?

Утратив особый оттенок значения, особую коннотацию, из синонима слово превращается в дублет: *крайне, сильно* фактически стали дублетами *очень, достаточно* – дублетом *довольно* даже в статьях и диссертациях некоторых лингвистов, *одеть* уже вытеснило *надеть* и т. д.

В этом отношении любопытна судьба заимствованных слов в русском языке. Разумеется, ни о какой эффективной коммуникации нельзя говорить в тех случаях, когда они используются до их реального вхождения в лексическую систему русского языка и, следовательно, знаками русской лексической системы ещё не стали. Характерно высказывание одной из моих коллег, не изучавшей английский язык: *без знания английского языка читать газеты уже невозможно*. Однако мой мониторинг СМИ свидетельствует, что не только увеличилось количество англицизмов, но и включение их в лексическую систему русского языка в XXI в. стало происходить намного быстрее, чем раньше.

Например, слово *дауншифтер*, впервые обнаруженное мною в газете «Аргументы и факты» (АиФ. 2015. № 14) и, несмотря на ясные его части, не очень понятное употребление даже для владеющего английским языком (*В России первым дауншифтером был Иван Грозный*), так быстро распространилось из-за сложившихся условий жизни (многие бросают работу в городе, начинают жить отшельниками в лесу или в горах), что уже не требует знания английского. Но при этом не прояснило его использования применительно к Ивану Грозному (вряд ли так можно охарактеризовать его отъезд в Александровскую слободу), а кроме того, оно стало употребляться и вместо ещё недавно модного⁶ заимствованного *лузер* и русского *неудачник* (в выступлении Германа Грефа на недавнем экономическом форуме было заявлено, что *Россия превратилась в дауншифтера*).

Очевидно, в определении эффективности/неэффективности речевого акта необходимо учитывать не только прямую реакцию адресата, но и, что особенно важно при исследовании речи в СМИ, использование чего-либо в актуальной коммуникации или в «текстах когнитива»⁷, т. е. в сохраненных в библиотеке, но уже не злободневных. В «текстах когнитива» запечатлены знания соответствующей эпохи (например, *совхоз, колхоз, Совнарком, партком, парторг* уже не ассоциируются со своим означаемым, хотя были актуальны и всем понятны в советский период). Но и в новостных передачах радио, телевидения, на новостных лентах Интернета и в «сегодняшнем» номере газеты можно прочитать, услышать слова, далеко не у всех потенциальных и реальных потребителей способные вызвать в сознании нужное означаемое, если оно не приведено в тексте.

Так, впервые встреченный мною в газете (МК. 15.07.2013) заголовок «Короли из коворкингов» не вызвал никаких ассоциаций, но по мере чтения статьи стало ясно не только значение слова, но и его происхождение и судьба означаемого⁸. В отличие от впервые встреченного в «Российской газете» (РГ. 15.04.2015) с указанием на модность явления, где даже после прочтения статьи осталось не совсем понятно, ни что такое *краудфандинг*, ни почему это явление так обозначено. В другой статье в этом же номере было указано, что *краудфандинг или народное финансирование сейчас очень распространилось*, и стало ясно, что это такое, но почему так названо, становится понятным только знающим английский язык. Вряд ли у незнающих это слово свяжется с уже адаптированным в русской лексической системе словом *фонд*. Вопросы радиослушателей в саратовскую «Службу русского языка» показывают отсутствие в их сознании связи, например, *консультации с консалтинг, консалтинговые фирмы, услуги*.

Многое в современной передаче русским написанием, основанном не на транслитерации (*консультация*), а на английском звучании, затрудняет и обращение к англо-русским словарям. Особенно в случаях сленгового значения и сленгового употребления англицизмов (*бан, квест, буллинг и антибуллинг*) или, наоборот, узкотерминологического *возникает настоящий саспенс* (РГ-неделя. 06.09.2015, в статье обсуждается фильм⁹). О какой эффективности коммуникации в таких случаях можно говорить!?

Но эффективность коммуникации касается не только восприятия лексики (как родной, так и заимствованной), но и синтаксической организации речи, в том числе и с лексическим заполнением синтаксических мест (членов предложения). Так, вряд ли в полной мере эффективна коммуникация при выражении подлежащего или дополнений (включая детерминанты и ситуанты места), конкретно не уточнёнными конкретизацией отвлечённо-обобщёнными номинациями (*эксперты, учёные, власть, в городе, стране* и т. д.). Номинации *президент, премьер-министр, губернатор, мэр* в актуальной коммуникации обычно вполне эффективны, но в «текстах когнитива» требуют дополнительных знаний или усилий на проверку того, кто именно в то время и в том месте был на этой должности. Аналогично при употреблённых *ректор, заведующий, главный редактор* и т. д.

Влияет на эффективность коммуникации и синтаксическая оформленность сообщаемой информации только как констатации факта, например, состоявшегося обсуждения чего-либо, разговора кого с кем без конкретизации того, о чём говорилось и к чему в результате пришли¹⁰.

Итак, первый результат мониторинга – выявление сложности самого понятия *эффективность коммуникации* и её неодинаковость в актуальной коммуникации и коммуникации «текстами когнитива».

И что вообще считать показателем эффективности коммуникации: правильное восприятие переданной информации или результат воздействия на адресата (выполненное им действие, изменение его взглядов, освоение им новых знаний)? Это ещё надо обсуждать и решать в процессе работы по инициативной теме «Исследование возможностей русского языка с позиций теории и практики эффективности коммуникации в разных сферах жизни человека» кафедры на 2016–2021 гг.

Второй результат – необходимость даже в пределах актуальной коммуникации через СМИ учитывать разницу восприятия информации через СМИ людьми молодого и старшего поколения, адресатами разных типов речевой культуры, что также войдёт в задачи работы по названной теме.

Третий результат – свою роль в эффективности/неэффективности коммуникации играет готовность адресата к восприятию той или иной информации, его «включённость» в жизнь страны или личные интересы адресанта.

Четвёртый результат – наблюдается явное взаимовлияние речи в СМИ и речи масс, нередко создающее замкнутый круг чередования обнаруженных «волн» «самоочищения» речи и «волн» деструкции нормы¹¹.

Пятый результат – в русском языке существует очень много возможностей повышения эффективности коммуникации, но далеко не всякий адресант пользуется ими как в актуальной коммуникации, в том числе в СМИ, так и в изначально предназначенных для сохранения «текстах когнитива» (научная, законодательно-административная и художественная коммуникации). Причина этого – незнание литературных вариантов или элементарное неумение этими возможностями пользоваться, а в результате снижается не только степень эффективности коммуникации, её доступности массовому адресату, но и в случае научной коммуникации замедляется развитие любой науки, а в конечном счёте и жизни всей страны.

Конечно, все эти результаты – не новость, а только подтверждение ранее высказанных прозрений, но это тоже важно.

Вспомним гениальное прозрение А. С. Пушкина, понявшего принципиальную разницу «письменного и разговорного языка», а ведь подтверждение этого прозрения стали обнаруживать только 100 с лишним лет после пушкинского «Письма к издателю» в ходе начавшейся компьютерной революции, заставившей задуматься о возможности автоматического перевода. И до сих пор, несмотря на все достижения в исследованиях речи, и даже специально различий устной и письменной, многие лингвисты эти различия игнорируют. Идея «разговорников» во главе с Е. А. Земской¹² о разговорном языке была принята в штывы, в том числе и мною. И термин *разговорная речь*, сохранённый и в названиях их трёхтомной монографии, и для сборника текстов РР, использовался в их трудах только в названиях

монографий. А теперь я начинаю лучше понимать их идею, хотя и соглашаюсь с ней не полностью.

Долгие годы, да ещё и сейчас, все лингвисты жили и работали под влиянием когда-то революционного дедуктивного разграничения языка – важнейшего средства коммуникации и речи – как его функционирования. Прошёл век, и только в 2015 г. в «Вопросах языкознания» появилось уточнение Т. М. Николаевой: речь – не только функционирование языка, в этом функционировании огромную роль играет его «конвой», хотя индуктивно факты влияния в коммуникации на реальные ассоциации целого ряда факторов, не говоря уж о контексте, не раз обнаруживались и задолго до этой статьи. В том же году появилась и статья В. И. Конькова о необходимости разграничения коммуникации когнитива и актуальной коммуникации¹³.

Я же только сейчас, в 2016 г., начала задумываться о том, что в реальной разговорной речи есть не только особенности функционирования единого русского языка в его устной форме (основной классифицирующий признак, с точки зрения О. А. Лаптевой¹⁴), но и свои **средства** коммуникации (знаки), отсутствующие в его письменной форме: интонация, мимика и жесты, а также сама ситуация, которая, по очень удачному выражению Е. А. Земской, буквально **вплавается** в речь. Ничего этого в письменной форме русского языка нет и быть не может. И я же в своём исследовании порядка слов¹⁵ индуктивно (интуитивно обратив на это внимание) доказала принципиальность различий в закономерностях расположения слов в письменной и устной, особенно неофициальной, т. е. разговорной, речи. Не могу забыть категорического утверждения видного лингвиста Е. М. Галкиной-Федорук, находившейся, очевидно, под влиянием дедуктивного утверждения А. М. Пешковского о полной свободе порядка слов в русском языке. Узнав, что я написала докторскую о порядке слов, она сказала: *Что же там можно открыть, всё уже известно*. А следом за моей монографией, т. е. фактически одновременно, было открыто очень много нового работами И. И. Ковтуновой, О. А. Лаптевой, П. Адамца, Кв. Кожевниковой, **R. Bivon (a)**, **М. И. Откупщиковой**, позднее О. Иокоямы, Т. Е. Янко и многих, многих других.

Я давно уже убедилась в том, что, видимо, крупницы индуктивно познанного постепенно накапливаются, и происходит переход количества в качество – лавину реализаций следствий новых взглядов на язык и его функционирование. Помню, как я спорила с В. И. Коньковым, отстаивая, что в СМИ реализуется только публицистический стиль языка¹⁶, а теперь начинаю понимать, что в лингвистике речи (в её понимании Т. М. Николаевой) прав был он, а не я.

Науке нужны и дедукция, и индукция, но на дедуктивные утверждения как гениальные прозрения истинного способны далеко не все учёные.

При этом, даже если их прозрения соответствуют истине, для своего развития наука нуждается в подкреплении фактами. Так любая наука, и лингвистика в том числе, познаёт мир: от фактов к их обобщению, от дедуктивных прозрений к поискам подкрепляющих их фактов и к новым обобщениям. Мой мониторинг речи проходит, конечно, в рамках лингвистики речи, но в результате обобщения фактов и факторов, их вызывающих, надеюсь, он становится значимым и для лингвистики языка (как считает В. А. Алпатов¹⁷, набор новых фактов иногда заставляет по-новому взглянуть на язык).

Что же нового для лингвистики языка дал мой (несомненно, вынужденно очень неполный, хотя многолетний и регулярный) мониторинг речи?

Во-первых, он наглядно продемонстрировал невероятное богатство выразительных возможностей лексической системы русского языка (только за месяц обнаружено более 40 лексически разных усилителей признака¹⁸ с явно выраженной тенденцией к увеличению количества и поиска усиления выразительности за счёт их нестандартности).

Во-вторых, под влиянием реального функционирования в современных условиях жизни и всё возрастающей роли опосредованного общения через Интернет в противоборстве двух противоположных тенденций: к точности выражения и экономии усилий, – наблюдается опасное для судьбы языка усиление действия второй¹⁹.

В-третьих, происходит явное ускорение процессов изменений в языковой системе (раньше столетиями, потом десятилетиями, теперь месяцами), и это не столько следствие увеличения возможности фиксации изменений в языке и их изучения лингвистами (что связано с техническими достижениями), но и **реальное** ускорение всех процессов из-за глобализации мира, освоения технических возможностей мгновенного распространения миллионам потенциальных адресатов любой языковой новации. При этом баланс упрощения в уровневых системах языка, их обеднения и усложнения (обогащения) временами теряется, но, видимо, пока живёт народ, средством общения которого является язык, этот баланс вскоре восстанавливается в сторону преобладания обогащения.

В этом отношении заслуживает обсуждения появление в русской системе словообразования заимствованного суффикса *-инг* для выражения процессуальности какого-либо явления. И дело не только в возможности образования именно созданных в русской речи слов типа *пехтинг*, *маргелинг* (они всё-таки остались не закрепившимися в узусе неологизмами, окказионализмами, а в том, что слова с этим суффиксом могут подчёркивать именно процессуальность явления (*краудфандинг*, *буллинг*, *банкинг*, *джипинг*), в отличие от образований с суффиксами *-ство* и *-ание*, *-ение*, которыми передаётся не столько процессуальность, сколько обобщение. Ср.: *буллинг* от английского *bully* – *забияка* и *озорство*, *хулиганство*, прежде всего, обобщённое обозначение

в разной степени уголовно наказуемого деяния без подчёркнутой процессуальности. Именно поэтому, в отличие от высказанного по радио мнения нового ректора Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина М. Н. Русецкой, осуждающей такое «приобретение», с моей точки зрения, это обогащение русского языка. Все образования с суффиксами *-ство*, *-ение*, *-ание*, несмотря на свою отглагольность, процессуальности фактически уже не выражают: *терпение*, *стремление*, *желание*, даже *формирование*, как и *буйство*, *бахвальство*, – обобщённо-отвлечённые номинации без подчёркивания процессуальности действия. Поэтому я не удивлюсь, если на основе нового для русского языка понятия *фейк* появится и *фейкование* как обобщённое понятие уголовно наказуемого подлога, провокации, и *фейкинг* как сам процесс создания *фейков* (нечто типа: *Чтобы фейкинг исчез из нашей жизни, фейкование надо включить в число уголовно наказуемых постулатов*).

В данном случае поражает не количество заимствований с суффиксом *-инг*, даже не русские образования с ним, а скорость их явного включения не только в лексикон, но и в систему словообразования – очевидно, заполнилась лакуна в передаче значения процессуальности явления.

Показал мониторинг и появление в речи, вероятно, уже и в языке (но «наднациональном») общечеловеческом интернетовском), особых знаков, широко используемых, принципиально отличающихся от национальных словесных знаков: – игнорирование прописной буквы в именах и фамилиях не только в адресах электронной почты, но и в бегущей строке фиксации говорящего в ток-шоу на экране ТВ, например, на каналах НТВ, России-1 и ТВЦ, и даже на титульном листе (и его обороте авторефератов из некоторых городов России, но не ФИО оппонентов);

– широчайшее распространение слитно-укороченных обозначений чего-либо (особенно в анонсах телепередач) в так называемых хэштегах и за их пределами: *ОкнаМания* в рекламе, *политпиарставка* в колонке Л. Радзиховского в РГ;

– бесчисленное множество несловесных обозначений отношения к чему-либо, привлечения внимания, выделения и т. д. с помощью уже разработанной системы разного рода смайликов и широким использованием удвоения-утроения пунктуационных знаков, подчеркивания, размера букв и т. д. Часть этих знаков индивидуальна и даже в речи одного адресанта не систематизирована, а часть, видимо, уже стала языковыми знаками и даже не только в интернет-речи (на моем мобильном телефоне для пожилых тоже есть такой знак).

В какой-то мере все эти результаты мониторинга заставляют меня размышлять о том, что правы не только социологи, усматривающие в современной действительности принципиальные изменения жизни общества и каждого его члена

как социального существа, но и медико-биологи с их тревогами из-за изменения современного человека как биологического существа: меняется анатомия и физиология человека, нервная система и, главное, его мозг (появляются новые способности – это хорошо, но отмирают за ненужностью старые, а это уже тревожно).

Обострившийся интерес к состоянию русской речи и преподаванию русского языка привели сначала к организации Совета по русскому языку при Президенте РФ, потом к созданию общества русской словесности во главе с Патриархом, а 26 октября 2016 г. в Москве прошёл Всероссийский семинар-совещание «Языковая политика в сфере образования: инструмент формирования общероссийской гражданской идентичности» под эгидой Федерального агентства по делам национальностей, и на всех этих очень важных и для жизни в России, и для судьбы русского языка мероприятиях обсуждались многие из тех вопросов, которые были затронуты в данной статье. Материалы этих совещаний есть в Интернете и, несомненно, будут ещё не раз обсуждаться, и многое из предложенного, надеюсь, будет решаться. Важно, что в таких размышлениях о языке, коммуникации и образовании я не одинока.

Примечания

- ¹ См.: Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в её преодолении / А. Н. Байкулова [и др.]; под ред. О. Б. Сиротининой и М. А. Кормилицыной. Саратов, 2015.
- ² См.: Интернет-коммуникация как новая речевая форма / С. И. Агаюлова [и др.]; науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. М., 2012.
- ³ В Болгарии поездка в автобусе участников конгресса МАПРЯЛ из Варны на Золотые пески и обратно была бесплатна, мы, когда ехали другим маршрутом, никак не могли понять кондуктора, который в ответ на вопрос, надо ли платить, из уважения к нам по-русски кивал головой, а мы поняли его по-болгарски как отрицание.
- ⁴ См.: Николаева Т. О «лингвистике речи» (в частности, о междометии) // Вопр. языкознания. 2015. № 4. С. 7–20.
- ⁵ См.: Мякишева О. В. Активная лексика и семантические лакуны в лексиконе современного школьника // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. Вып. 15. Саратов, 2016. С. 48–56.
- ⁶ См.: Новиков Вл. Словарь модных слов. Языковая картина современности. М., 2012.
- ⁷ Такое разграничение предлагает В. И. Коньков (см.: Коньков В. Слово живое и мертвое. О двух коммуникативных типах речи // Актуальные проблемы стилистики : ежегод. междунар. журнал / под ред. Г. Я. Солганика. 2015. № 1. С. 36–43).
- ⁸ В тексте было сказано, что *коворкинг* из английского *coworking – совместная работа*, и о том, как одной «бизнесвумен» пришлось в голову сдать в аренду рабочее место за компьютером с выходом в Интернет в своей квартире, в результате в Москве появились сотни частных и муниципальных коворкингов с местами для сотен бизнесменов, с детскими комнатами для пребывания детей под присмотром, бильярдной для отдыха, столовой.
- ⁹ Конкретно речь идёт об ощущении зрителей, возникающем от сцены со Сталиным
- ¹⁰ См.: Кормилицына М. А. Содержательная неопределённость современных медиатекстов как результат нарушения в них баланса стандарта и творчества (на материале печатных СМИ) // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. Вып. 15. Саратов, 2016. С. 16–27.
- ¹¹ Подробно об этом см.: Сиротинина О. Порядок слов в русском языке. Саратов, 1965. 5-е изд. М., 2014. (Лингвистическое наследие XX века)
- ¹² См.: Русская разговорная речь / под ред. Е. А. Земской. М., 1973 ; Земская Е. А., Китайгородская М., Ширяев Е. Русская разговорная речь : Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / под ред. Е. А. Земской. М., 1981.
- ¹³ Такое разграничение предлагает В. И. Коньков (см.: Коньков В. Указ. соч.).
- ¹⁴ См.: Лаптева О. Теория современного русского литературного языка : учебник. М., 2003.
- ¹⁵ См.: Сиротинина О. Порядок слов в русском языке.
- ¹⁶ См.: Сиротинина О. Публицистический стиль : Языковой эталон и языковая реальность // Мир русского слова. 2004. № 4. С. 75–79.
- ¹⁷ См.: Алпатов В. Что и как изучает языкознание? // Вопр. языкознания. 2015. № 3. С. 4–21. См. также обсуждение роли дедуктивных постулатов: Алпатов В. О двух «детских болезнях» современной лингвистики (язык, идеология, речевые жанры) // Жанры речи. 2014. № 1–2. С. 9–15 ; Дементьев В. Еще раз о дедукции в коммуникативистике : Реплика по поводу статьи В. М. Алпатова «О «двух детских болезнях» в современной лингвистике» // Жанры речи. 2015. № 1. С. 152–162.
- ¹⁸ См.: Сиротинина О. Пространство языка под «лупой» мониторинга речи // Язык в пространстве речевых культур : К 80-летию В. Е. Гольдина / отв. ред. О. Ю. Крючкова, Л. П. Крысин. М. ; Саратов, 2015. С. 145–154.
- ¹⁹ См.: Сиротинина О., Матяшевская А. К чему может привести стремление к экономии речевых усилий в коммуникации на русском языке? // Экология языка и коммуникативная практика. Красноярск. 2016. № 1. С. 150–164.

Образец для цитирования:

Сиротинина О. Б. Лингво-философские размышления как результат многолетнего мониторинга речи // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 5–11. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-1-5-11.

Cite this article as:

Sirotinina O. B. Linguo-Philosophical Reflection as a Result of a Long-term Speech Monitoring Survey. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 5–11 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-7663-2017-17-1-5-11.